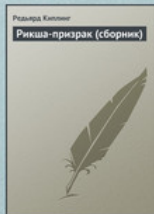

Редьярд Киплинг

Дети Зодиака

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Жозеф Киплинг

Дети Зодиака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648585

Аннотация

«Тысячи лет тому назад, когда люди были более могучи, чем теперь, дети Зодиака жили на земле. Их было шестеро: Овен, Телец, Лев, Близнецы и Дева; они все очень боялись шести Домов, принадлежащих Скорпиону, Весам, Раку, Рыбам, Стрельцу и Водолею. Даже тогда, когда они в первый раз спустились на землю, зная, что они бессмертны, они принесли с собой этот страх; и он все увеличивался по мере того, как они знакомились с человеческим родом и слышали рассказы о шести Домах. Люди считали детей Зодиака богами и приходили к ним с молитвами и пространными рассказами о причиненных им обидах, а дети Зодиака слушали их и ничего не могли понять...»

Редьярд Киплинг

Дети Зодиака

* * *

*Хотя ты любишь ее, как самого себя,
Но себя в более совершенной оболочке,
Хотя ее смерть печалит день,
Лишая прелести все живущее;
Сердцем я знаю, —
Когда уходят полубоги,
Приходят боги.*

Эмерсон

Тысячи лет тому назад, когда люди были более могучи, чем теперь, дети Зодиака жили на земле. Их было шестеро: Овен, Телец, Лев, Близнецы и Дева; они все очень боялись шести Домов, принадлежащих Скорпиону, Весам, Раку, Рыбам, Стрельцу и Водолею. Даже тогда, когда они в первый раз спустились на землю, зная, что они бессмертны, они принесли с собой этот страх; и он все увеличивался по мере того, как они знакомились с человеческим родом и слышали рассказы о шести Домах. Люди считали детей Зодиака богами и приходили к ним с молитвами и пространными рассказами о причиненных им обидах, а дети Зодиака слушали их и ничего не могли понять.

Мать бросалась к ногам Близнецов или Тельца, крича им:

– Мой муж работал в поле, а Стрелец пустил в него стрелу, и он умер; мой сын также будет убит Стрельцом. Помоги мне!

Телец опускал свою огромную голову и отвечал:

– Что мне до этого?

А Близнецы улыбались и продолжали свою игру, потому что они не понимали, почему из глаз человека бежит вода. Случалось, что к Льву или Деве приходили мужчина и женщина, восклицая:

– Мы только что поженились и очень счастливы. Прими от нас эти цветы!

И они бросали цветы, издавая какие-то странные звуки, чтобы показать, как они счастливы, а Лев и Дева удивлялись еще более, чем Близнецы, потому что люди кричали без всякой причины: «Ха! Ха! Ха!»

Так продолжалось тысячелетия по человеческому счету, пока однажды Лев, встретившись с Девой, которая гуляла среди холмов, заметил, что она сильно изменилась с тех пор, как он видел ее в последний раз. А Дева, взглянув на Льва, увидела, что и он, в свою очередь, очень изменился. И тут же они решили никогда больше не расставаться даже в том случае, если бы случилось что-нибудь ужасное, и они не были бы в состоянии помочь друг другу. Лев поцеловал Деву, и вся земля почувствовала этот поцелуй, а Дева села на склоне холма, и из глаз ее побежала вода; этого еще не случилось

никогда с тех пор, как дети Зодиака помнили себя.

Когда они так сидели рядом, к ним приблизились женщина и мужчина, и мужчина сказал женщине:

– К чему тратить цветы на этих глупых богов! Они никогда не поймут нас, моя любимая.

Дева вскочила, обвила руками женщину и воскликнула:

– Я понимаю! Дай мне цветы, а я тебя поцелую за них.

Лев тихо спросил мужчину:

– Каким это новым именем ты назвал сейчас свою жену?

– Ну, разумеется, я назвал ее: моя любимая.

– Почему «разумеется»? – спросил Лев. – И если разумеется, то что оно означает?

– Оно означает «очень дорогая», и тебе стоит только взглянуть на свою жену, чтобы понять, почему это так.

– Я вижу, – сказал Лев, – ты совершенно прав.

И когда мужчина и женщина удалились, он назвал Деву своей «любимой женой», и Дева снова заплакала от истинного счастья.

– Я думаю, – сказала она, наконец, вытирая глаза, – я думаю, что мы обращали слишком мало внимания на мужчин и женщин. Что ты делал, Лев, с их жертвоприношениями?

– Я сжигал их, – сказал Лев, – я не мог есть их. А ты что делала с цветами?

– Я бросала их, и они увядали. Я не могла носить их на шее, ведь у меня так много собственных, – сказала Дева, – а теперь я жалею об этом.

– Не стоит огорчаться, – сказал Лев, – ведь мы принадлежим друг другу...

Пока они так разговаривали, годы человеческой жизни промелькнули незаметно, и вот снова появились перед ними мужчина и женщина – оба с седыми головами, – мужчина нес женщину.

– Мы пришли к концу всех вещей, – сказал мужчина спокойно. – Это была раньше моя жена.

– Так же, как я – жена Льва, – сказала Дева, пристально смотря на нее.

– Это была моя жена, но ее убил один из ваших богов...

Мужчина положил свою ношу и засмеялся.

– Который? – сердито сказал Лев, потому что они одинаково ненавидели все шесть созвездий.

– Вы – боги, вы должны знать это, – сказал человек. – Мы жили вместе и любили друг друга, и я оставил хорошую ферму моему сыну. Я могу сожалеть только о том, что еще живу на свете.

В то время как он склонился над телом жены, в воздухе раздался свист, и он испугался и побежал прочь с криком:

– Это стрела Стрельца!.. Дайте мне еще немного пожить, еще хоть немного!

Но стрела вонзилась в него, и он умер. Лев взглянул на Деву, а Дева взглянула на него, и оба почувствовали смущение.

– Он хотел умереть, – сказал Лев. – Он сказал, что хочет

умереть, а когда смерть пришла, он пытался убежать от нее. Он – трус.

– Нет, он не трус, – сказала Дева. – Мне кажется, я чувствую то, что он чувствовал. Мы должны узнать больше того, что знаем, ради них.

– Ради них! – громко сказал Лев.

– Потому что мы никогда не умрем, – еще громче проговорили в один голос Дева и Лев.

– Посиди и подожди меня здесь, моя любимая, – сказал Лев, – а я пойду к созвездиям, которые мы ненавидим, и научусь, как сделать, чтобы люди стали такими, как мы.

– И любили друг друга, как мы любим, – сказала Дева.

– Я не думаю, чтобы они нуждались в этом, – сказал Лев и, сердитый, пустился в путь, размахивая львиною шкурой, наброшенной на его плечи, пока не пришел в дом, где Скорпион жил в полной темноте, обмахивая себя хвостом.

– Зачем ты мучаешь человеческих детей? – спросил Лев, сдерживая гнев.

– Уверен ли ты в том, что я мучаю только детей человека? – сказал Скорпион. – Поговори-ка с твоим братом Тельцом, что он тебе скажет.

– Я пришел сюда ради детей человека, – сказал Лев. – Я научился от них любви и хотел бы научить их жить так, как я – как мы живем.

– Твое желание давно уже удовлетворено. Поговори с Тельцом. Он находится под моей особой опекой, – сказал

Скорпион.

Лев снова спустился на землю и увидел вблизи от нее большую звезду Альдебаран, сверкающую во лбу Тельца. Когда он приблизился к ней, он увидел своего брата Тельца, запряженного в плуг и тащившегося по сырому рисовому полю с низко опущенной головой и мокрого от пота.

– Забодай этого дерзкого до смерти! – вскричал Лев. – И вылезай из грязи, чтобы не позорить нашу честь.

– Я не могу, – сказал Телец. – Скорпион сказал мне, что в один день, в какой именно, я не знаю, он ужалит меня в шею около плеча, и я умру с мычанием.

– Но какое же это имеет отношение к этой унижительной работе? – сказал Лев, стоя у канавы, огораживающей влажное рисовое поле.

– Самое прямое. Этот человек не может пахать без моей помощи. Он думает, что я – заблудившееся животное.

– Но ведь он сам только заскорузный крестьянин с гладко прилизанными волосами – мы созданы не для него.

– Ты, может быть, и нет, а я – да. Я не знаю, когда Скорпиону заблагорассудится ужалить меня насмерть, – быть может, раньше, чем я сверну с этой борозды, – Телец рванулся с места, поднимая плуг, который врезался в мокрую землю позади него, а крестьянин пошел за ним, колотя его заостренной палкой, пока у него не покраснели бока.

– И тебе это приятно? – спросил Лев, спустившись к нему на влажное поле.

– Нет, – сказал Телец, повернув к нему голову, при этом он сделал усилие, чтобы вытащить из топкой грязи свои задние ноги, и громко фыркал.

Лев с презрением отвернулся от него и направился в другую сторону, где он увидел Овна среди толпы крестьян, которые украшали его шею венками и кормили его только что сорванной зеленой травой.

– Это ужасно, – сказал Лев, – размечи эту толпу, брат мой! Они портят тебе шерсть.

– Я не могу, – сказал Овен. – Стрелец сказал мне, что придет день, о котором я пока ничего не знаю, когда он пустит в меня стрелу, и я умру в страшных муках.

– Но какое же это имеет отношение к этому унижительно-му зрелищу? – спросил Лев, но уже не таким уверенным тоном, как раньше.

– Прямое, – ответил Овен. – Люди никогда до сих пор не видали совершенной овцы. Они воображают, что я дикое животное, и будут водить меня с места на место в качестве образца для своих стад.

– Но ведь это грязные пастухи, и мы вовсе не предназначены для их забав, – сказал Лев.

– Может быть, ты, но не я, – сказал Овен. – Я не знаю дня, когда Стрельцу заблагорассудится пустить в меня стрелу, возможно, что это будет скорее, чем люди, идущие на расстоянии мили от нас по дороге, увидят меня.

Овен наклонил голову, чтобы вновь подошедший мог на-

бросить ему на шею венки из листьев дикого чеснока, и терпеливо позволял фермерам дергать себя за шерсть.

– И тебе это приятно? – крикнул Лев через головы толпы.

– Нет, – отвечал Овен, чихая от пыли, поднимавшейся из-под ног толпы, и обнюхивая лежавшее перед ним сено.

Лев повернулся, намереваясь пройти в другие Дома, но, проходя по одной улице, он заметил двух маленьких детей, очень грязных, игравших с кошкой у дверей хижины. Это были Близнецы.

– Что вы здесь делаете? – с негодованием спросил Лев.

– Мы играем, – спокойно отвечали Близнецы.

– Разве вы не можете играть на берегах Млечного Пути?

– Мы там и играли, – сказали они, – но проплыли Рыбы и сказали, что придет день, когда они явятся за нами и унесут нас с собою. Теперь мы играем здесь в детей. Люди любят это.

– А вам это приятно? – сказал Лев.

– Нет, – отвечали Близнецы, – но на Млечном Пути нет кошек, – и они озабоченно потянули кошку за хвост.

На пороге хижины показалась женщина и стала позади них, и Лев заметил на ее лице то же самое выражение, которое он иногда видел на лице Девы.

– Она думает, что мы подкидыши, – сказали Близнецы, и они побежали в хижину ужинать.

Лев торопливо обошел все Дома один за другим, потому что он не мог понять, к чему эти новые муки, которым под-

вергались его братья. Он говорил со Стрельцом, и Стрелец уверил его, что, поскольку речь идет о его Доме, Лев может быть спокоен за себя. Водолей, Рыбы и Скорпион дали ему тот же самый ответ. Они ничего не знали о Льве и не интересовались им. Они – созвездия, и их обязанность – убивать людей.

Наконец, он пришел в очень темный Дом, где Рак лежал так тихо, что, если бы не безостановочное шевеленье перистых усиков вокруг его рта, можно было бы подумать, что он спит. Это движение никогда не прекращается и напоминает действие тлеющего пламени, медленно и бесшумно пожирающего гнилое дерево.

Лев подошел поближе к Раку и в полумраке различил неясные очертания его широкой синевато-черной спины и неподвижные глаза. Ему показалось, что он слышит чьи-то рыдания, но эти звуки были едва уловимы.

– Зачем ты мучаешь детей человека? – сказал Лев.

Ответа не было, и против воли Лев крикнул:

– Зачем ты мучаешь нас? Что мы сделали, чтобы ты мог мучить нас?

На этот раз Рак отвечал:

– Откуда я знаю, и что мне до этого за дело? Ты рожден в моем Доме, и в назначенное время я приду за тобой.

– Когда же настанет это время? – спросил Лев, пятясь назад перед непрекращающимся движением усиков вокруг рта.

– Когда полный месяц не успеет поднять полный при-

лив, – сказал Рак, – я приду за одним из вас. И после того, как другой покорит свет, я схвачу этого другого за глотку.

Лев поднес руку к своему горлу, к кадыку, облизнул губы и, оправившись немного, спросил:

– Должен ли я опасаться за двоих?

– Да, за двоих, – сказал Рак, – и еще за многих других, которые придут потом.

– Мой брат Телец гораздо счастливее меня, – печально сказал Лев, – он одинок.

Но не успел он высказать своей мысли, как чья-то рука закрыла его рот и Дева очутилась в его объятиях. Как настоящая женщина, она не захотела остаться там, где Лев расстался с нею, и, стремясь скорее узнать все, хотя бы и неприятное, она обошла все Дома и пришла в Дом Рака.

– Это глупо, – шепнула Дева. – Я так долго ждала тебя в темноте. Тогда мне было страшно. Но теперь...

И она вздохнула с облегчением.

– Теперь мне страшно, – сказал Лев.

– Это ты за меня боишься? – сказала Дева. – Я это понимаю, я сама боюсь за тебя. Пойдем отсюда, муж мой.

Они выбрались из мрака и вернулись на Землю. Лев был очень молчалив, и Дева старалась ободрить его.

– Мой брат гораздо счастливее меня, – повторял Лев время от времени и, наконец, сказал:

– Пойдем лучше каждый своей дорогой и будем жить отдельно до самой смерти. Мы родились в Доме Рака, и он при-

дет за нами.

– Я знаю, я знаю это. Но куда я пойду? И где ты ляжешь спать вечером? Но, если хочешь, можно попробовать. Я останусь здесь. А ты уйдешь?

Лев сделал вперед шесть шагов очень медленно и три больших шага назад очень быстро и на третьем шагу очутился на том месте, где сидела Дева.

На этот раз она сама стала просить его удалиться и оставить ее, и он должен был всю ночь успокаивать ее. Эта ночь убедила их обоих, что они не в состоянии расстаться ни на минуту, и, когда они пришли к этому заключению, они взглянули вверх, в темноту, где над их головами был Дом Рака, и, крепко обнявшись, засмеялись – ха, ха, ха! – точь-в-точь, как смеялись дети человека. И это было в первый раз в их жизни, что они засмеялись.

На следующее утро они вернулись к себе домой и увидели цветы и жертвоприношения, которые принесли к их дверям жители холмов. Лев затоптал ногами жертвенный огонь, а Дева выбросила все цветы, дрожа от волнения. Когда крестьяне вернулись, чтобы взглянуть, как это было в обычае, что случилось с их жертвами, они не нашли на алтарях ни роз, ни зажаренного мяса; они увидели только мужчину и женщину, которые сидели, держась за руки, с испуганными, бледными лицами на ступеньках алтаря.

– Разве ты не Дева? – сказала женщина. – Вчера я послала тебе цветы.

– Сестрица, – покраснев до корней волос, сказала Дева, – не посылай мне больше цветов, потому что я такая же женщина, как и ты.

Мужчина и женщина удалились, недоумевая.

– Что же мы будем теперь делать? – сказал Лев.

– Мне кажется, мы должны постараться быть бодрыми, – сказала Дева. – Мы знаем самое худшее, что может случиться с нами, но мы не знаем лучшего, что любовь может принести нам. У нас есть много такого, чем мы должны быть довольны.

– А уверенность в смерти? – сказал Лев.

– Эта уверенность есть у каждого из детей человека, но они смеялись задолго до того, как мы начали смеяться. Мы должны научиться смеяться, Лев. Ведь мы уже раз смеялись.

Те, кто считает себя богами, какими считали себя Дети Зодиака, не признают смеха, ибо для бессмертных нет ничего более недостойного, чем смех или слезы. Лев встал с тяжелым сердцем и вместе с Девой пошел к людям, неся в душе страх перед смертью. Они засмеялись сначала при виде маленького голенького ребенка, пытавшегося засунуть в свой глупенький розовый ротик толстую ножку, потом их рассмешил котенок, который ловил свой собственный хвост, и потом они засмеялись над мальчиком, старавшимся поцеловать девочку и получившим за это пощечину. Наконец, они засмеялись ветру, который дул им прямо в лицо, пока они сбегали с холма и, запыхавшиеся, попали в толпу крестьян, собравшихся в долине. Смеялись и крестьяне, глядя

на их развевающиеся одежды и покрасневшие от ветра лица; а вечером их накормили и пригласили потанцевать на поляне, где было много смеха и веселье и где танцевали все, кто умел.

Ночью Лев вскочил с постели и воскликнул:

– Все, кого мы встретили сегодня, должны будут умереть!

– Так же, как и мы, – сквозь сон сказала Дева. – Спи, мой дорогой.

И Лев не заметил, что ее лицо было мокро от слез. Но он не мог больше спать. Он бросился бежать в поле, гонимый страхом за себя и за Деву, которая была ему дороже собственной жизни. И вот он очутился подле Тельца, который едва волочил ноги после целого дня тяжелой работы и, полузакрыв глаза, разглядывал при свете месяца ровные красивые борозды, проложенные им.

– Ага, – сказал Телец, – так и тебе уже все известно? Который же из Домов принесет тебе смерть?

Лев указал вверх на темный Дом Рака и простонал:

– Он придет также и за Девой.

– Ну, что же ты будешь делать?

Лев сказал, что не знает.

– Ты не умеешь пахать, – сказал Телец с оттенком пренебрежения. – А я умею, и это мешает мне думать о Скорпионе.

Лев огорчился и не проронил ни слова до самого рассвета, пока не пришел пахарь, чтобы впрячь Тельца в ярмо.

– Спой мне, – сказал Телец, таща тяжелый, покрытый гря-

зью и скрипевший плуг. – Я натер себе плечо. Спой мне одну из тех песен, которые мы певали вместе, когда считали себя богами.

Лев спустился в камыши и запел песню Детей Зодиака – воинственный клич юных богов, которые не знают страха ни перед чем. Он сначала тянул песню без всякого воодушевления, но потом эти звуки увлекли его, и голос его загремел над полями, а Телец зашагал в такт песне, и пахарь подстегивал его только по привычке и без всякой жестокости, а за плугом все быстрее и быстрее ложились ровные борозды. Тут подошла Дева, которая искала Льва и нашла его поющим в камышах. Она присоединила к нему свой голос, и жена пахаря вынесла из дома свою пряжу и, окруженная детьми, стала слушать песню. Когда пришло время обеда, Лев и Дева почувствовали голод и жажду, и пахарь с женой дали им ржаного хлеба и молока и очень благодарили их, а Телец успел сказать им:

– Вы помогли мне вспахать больше половины поля, но самая трудная часть дня впереди, брат мой.

Лев прилег отдохнуть, неотступно думая о словах Рака. Дева отошла в сторону и вступила в беседу с женой земледельца и их детьми, а после полудня снова началась пахота.

– Помогите нам еще, – сказал Телец, – день быстро идет на убыль.

Мои ноги совсем задеревенели. Спой так, как будто ты еще совсем не пел раньше.

– Для этого грязного крестьянина? – спросил Лев.

– Его ждет та же участь, что и нас. Разве ты трус? – сказал Телец.

Лев покраснел и запел снова, с больным горлом и в дурном настроении. Но мало-помалу он все удалялся от песни Детей Зодиака и сложил свою собственную песню, которой он никогда не мог бы сочинить, если бы не встретился лицом к лицу с Раком. Он вспомнил различные факты, относившиеся к пахарям, волам и рисовым полям, вспомнил то, чего даже не замечал до этой встречи, и все это он связал вместе, воодушевляясь все более по мере того, как он пел, и в своей песне рассказывая пахарю о нем самом и о его работе такие вещи, которых не знал и сам пахарь. Телец мычал одобрительно, прокладывая последние борозды, и, когда песня окончилась, пахарь остался очень доволен собой, хотя у него и болели кости. Дева вышла из хижины, где она возилась с детьми и разговаривала о женских делах с женой пахаря, и все вместе поужинали вечером.

– Хорошая у вас теперь жизнь, – сказал пахарь. – Сидите вы себе на запруде и поете целый день все, что вам приходит в голову. Давно ли вы этим занимаетесь, вы, цыгане?

– Ах, – промычал Телец из своего хлева, – вот тебе, брат мой, людская благодарность!

– Нет, мы только недавно занялись этим, – сказала Дева, – но мы решили продолжать наше дело всю жизнь. Ведь правда, Лев?

– Да, – отвечал он, и, взявшись за руки, они пошли своей дорогой.

– Ты можешь великолепно петь, Лев, – сказала она, как говорят обыкновенно жены мужьям.

– А ты что делала? – спросил он.

– Я говорила с матерью и детьми, – сказала она. – Ты не можешь понять всяких пустяков, которые заставляют смеяться нас, женщин.

– А я должен заниматься этим цыганским ремеслом? – сказал Лев.

– Да, дорогой, и я буду помогать тебе.

Мы не имеем никаких сведений о жизни Льва и Девы, поэтому мы и не можем сказать, как Лев исполнял то дело, которое он так презирал.

Но мы уверены, что Дева любила его, когда бы и где бы он ни пел, любила даже тогда, когда после окончания песни она обходила толпу с инструментом вроде тамбурина и собирала деньги на пропитание для них обоих. Случалось, что на долю Льва выпадала тяжелая обязанность утешать Деву, когда народ расточал им обоим оскорбительно грубые похвалы за то, что они воткнули в свои шляпы глупо развевающиеся павлиньи перья, а на платьяшили пуговицы и куски материй. По-женски она могла помочь ему и советом и делом, но подлость низких возмутила ее.

– Что за беда, – говорил обыкновенно Лев, – если мы этим делаем их немножко счастливее.

И они снова шли, шли вниз по дороге и затягивали все ту же старую, старую песню о том, что, как бы ни сложилась жизнь, дети человека не должны ничего бояться. Сначала все это было очень тяжело, но с течением времени Лев открыл, что он может рассмешить людей и заставить их слушать себя даже тогда, когда идет дождь. Правда, были такие слушатели, которые садились на землю и тихонько плакали в то время, как толпа визжала от восторга, и некоторые уверяли, что сам Лев довел их до этого; тогда Дева в промежутке между пением подходила и старалась утешить плачущих. Люди по-прежнему умирали в то время, как Лев говорил с ними, пели или смеялся, потому что Стрелец, Скорпион, Рак и другие созвездия не прекращали своей деятельности. Иногда толпа разбежалась в испуге, и Лев старался снова собрать всех, упрекая людей в трусости; но случалось, что они издевались над богами, которые убивали их, и тогда Лев объяснял им, что это было признаком еще большей трусости, чем бегство.

Во время своих странствий они иногда проходили мимо Тельца или Близнецов, но все были слишком заняты и ограничивались одним кивком головы друг другу в толпе и затем расходились каждый по своему делу.

Проходили годы, и они перестали даже узнавать друг друга, потому что дети Зодиака, работая на пользу людей, забыли сами, что были когда-то богами. Звезда Альдебаран во лбу Тельца покрылась засохшей грязью, руно Овна запылилось и ободралось, а Близнецы были по-прежнему детьми и

гонялись за котенком у порога хижины. И тогда Лев сказал:
– Довольно нам петь и кривляться!

А Дева ответила: «нет», но она и сама не знала, почему она сказала это «нет» так решительно. Лев утверждал, что это позорное ремесло, и в конце пыльного дня она сделала ему то же самое замечание, на что он возразил, что «это совершенно неверно». Тут они страшно поссорились, забыв о звездах, горевших над их головами. С течением времени появились новые рассказчики и новые певцы, и Лев, забыв, что их никогда не может быть слишком много, возненавидел всех за то, что они делили вместе с ним рукоплескания толпы, которые он считал своей неотъемлемой собственностью. Дева часто раздражалась, а тогда песни прерывались, остро-ты выходили плоскими, а дети человека говорили им:

– Ступайте домой, цыгане! Ступайте домой и выучитесь петь что-нибудь более интересное!

После одного из таких печальных и постыдных дней Дева, идя по полю рядом со своим мужем, увидела восходящий над деревьями полный месяц и, схватив за руку Льва, воскликнула:

– Вот пришел мой час! О, Лев, прости меня!

– В чем дело? – спросил Лев, который думал в это время о других певцах.

– Муж мой! – сказала она, положив его руку к себе на грудь, которая была тверда, как камень. Лев вспомнил, что говорил ему Рак, и застонал.

– Но ведь это правда, что мы были когда-то богами! – вскричал он.

– Мы и остались богами, – сказала Дева. – Разве ты забыл, как мы с тобой пришли в Дом Рака и вовсе не были очень напуганы? Но с тех пор мы забыли, ради чего мы пели, – мы стали петь ради денег, и, ах, как мы ссорились из-за них! Мы – дети Зодиака!

– Это была моя вина! – сказал Лев.

– Разве может быть в чем-нибудь только твоя вина, а не наша общая? – сказала Дева. – Мой час настал, но ты будешь жить без меня и...

Ее взгляд договорил то, чего она не могла сказать.

– Да, я всегда буду помнить, что мы – боги, – сказал Лев.

Это очень тяжело даже для детей Зодиака, забывших о своем божественном происхождении, – видеть медленную смерть и не знать, как помочь. Дева рассказала Льву все, что она делала и говорила среди женщин и детей во время их странствий, и Лев удивился, что он так мало знал о той, которая была ему так близка. Перед смертью Дева просила его никогда не ссориться из-за денег с другими певцами, а главное – продолжать петь и после того, как она умрет.

И вот она умерла, а он, похоронив ее, пошел в одну знакомую деревню, и народ ожидал, что он заведет ссору с новым певцом, который появился во время его отсутствия. Но Лев назвал его «своим братом». Новый певец недавно женился – Лев знал об этом, и, когда тот кончил петь, Лев выпрямился

и запел «песню Девы», которую он сложил по дороге сюда. И все, кто был женат или намеревался жениться – все без различия звания и возраста, – поняли эту песню, поняла ее и новобрачная, опиравшаяся на руку молодого мужа, и, когда песня кончилась и сердце Льва разрывалось от горя, – люди зарыдали.

– Это очень грустная песня, – сказали они наконец. – Ну а теперь спой нам повеселее.

Так как Лев знал всю тяжесть горя, какое может испытать человек, знал хорошо, как произошло падение того, кто раньше был богом, то он тотчас же запел другую песню, которая заставила людей смеяться до упаду. И они разошлись, ободренные и готовые к дальнейшему труду, наградив певца павлиньими перьями и деньгами в таком количестве, на какое он даже не рассчитывал. Но, зная, что деньги ведут к ссорам, а павлиньи перья всегда были ненавистны Деве, он отказался от них и пошел искать своих братьев, чтобы напомнить им, что они были когда-то богами.

Он нашел Тельца, судорожно рывшего землю ногами, потому что Скорпион ужалил его, и он умирал, но не медленной смертью, как Дева, а быстрой.

– Я знаю все, – простонал Телец, когда Лев подошел к нему. – Я все забыл, но теперь вспоминаю. Пойди и взгляни на поля, которые я возделал. Борозды очень прямые. Я забыл, что я был богом, но зато научился великолепно боронить землю. А ты, брат?

– Я еще не кончил пахать, – сказал Лев. – А что, смерть причиняет боль?

– Нет, не смерть, но самое умирание, – сказал Телец и умер.

Земледелец, который был его хозяином, очень огорчился, потому что его поле оставалось невозделанным.

В это-то время Лев сложил песню о Тельце, который был раньше богом, но забыл об этом, и он так пел эту песню, что половина всех юношей, слушавших его, приходили к убеждению, что они тоже, может быть, были богами, но не знали об этом. Половина этой половины развила чрезмерно свой ум и рано умерла. Половина остальных, стремясь стать богами, потерпела поражение, но зато вторая половина совершила вчетверо больше того, что сделала бы при других условиях.

Позже, много лет спустя после этого, в одно из своих странствий с целью забавлять людей, Лев увидел однажды на берегу ручья Близнецов, которые сидели там и ждали, когда Рыбы приплывут за ними и унесут их с собой. Они не выказывали ни малейшего страха и рассказали Льву, что у женщины в хижине был теперь собственный ребенок, и, когда этот ребенок вырос настолько, чтобы сделаться жестоким, он нашел себе хорошо воспитанного котенка, позволившего ему дергать себя за хвост. Тут за ними приплыли Рыбы, но люди видели только, как двое детей упали в ручей, и хотя это очень опечалило их приемную мать – она только крепче

прижала к груди своего собственного ребенка и была благодарна богам, что это случилось с подкидышами.

После этого Лев сочинил песню о Близнецах, которые забыли, что они были богами, и играли в пыли, чтобы позабавить свою приемную мать. Песня эта разошлась по всему свету среди женщин. Она заставляла их плакать и смеяться и крепче прижимать к груди своих детей; а некоторые женщины, еще помнившие Деву, говорили:

– Это, безусловно, голос Девы. Только она одна так хорошо знала нас.

Сложив эти три песни, Лев пел их постоянно одну за другой до тех пор, пока они не стали для него пустыми словами и люди, слушая его, скучали, а сам Лев испытывал прежнее искушение раз навсегда бросить пение. Но он вспоминал тогда слова умирающей Девы и продолжал петь.

Один из его слушателей прервал его однажды словами:

– Целых сорок лет ты говоришь нам о том, чтобы мы не боялись. Не споешь ли ты нам что-нибудь новенькое?

– Нет, – отвечал Лев, – это единственная песня, которую мне позволено петь. Вы не должны бояться Созвездий даже тогда, когда они будут убивать вас.

Человек повернулся со скучающим видом и хотел идти прочь, но в это время в воздухе со свистом промелькнула стрела, летевшая по направлению к земле и устремлявшаяся в сердце человека. Тот выпрямился во весь рост и стоял так до тех пор, пока стрела вонзилась, куда было предназначено.

– Я умираю, – сказал он спокойно. – Как хорошо, Лев, что ты пел все эти сорок лет.

– Тебе страшно? – спросил Лев, склонившись над ним.

– Я ведь только человек, а не бог, – сказал умирающий. – Я убежал бы прочь, если бы не твои песни. Мой труд окончен, и я умираю, не выказывая страха.

– Это хорошая награда мне, – сказал Лев сам себе. – Теперь, когда я сам вижу, что сделали мои песни, я буду петь еще лучше.

Он пошел по дороге, собрал небольшую кучку своих слушателей и запел песню о Деве. В середине песни он почувствовал холодное прикосновение клешни Рака к своему горлу. Он поднял руку, задохнулся и на минуту перестал петь.

– Пой, Лев! – закричали ему из толпы. – Ты никогда еще так хорошо не пел эту старую песню.

Лев оправился и продолжал петь, пока не кончил песни, чувствуя, как сердце его холодеет от страха. Когда он окончил петь, у него было такое ощущение, как будто кто-то схватил его за горло. Он был уже стар, он потерял Деву, он знал, что уже наполовину утратил искусство пения, он с трудом подходил к ожидавшей его небольшой кучке слушателей и почти не различал их, когда они окружали его; но тем не менее он сердито закричал Раку:

– Почему ты пришел за мной именно теперь?

– Ты родился под моим созвездием – как же мне не прийти за тобой? – устало спросил Рак. – Всякое человеческое

существо, убиваемое Раком, задает тот же самый вопрос.

– Но я только что начал понимать, что сделали мои песни, – сказал Лев.

– Вот, может быть, потому я и пришел, – сказал Рак и еще сильнее сжал горло Льву.

– Ведь ты же сказал, что не придешь до тех пор, пока я не покорю весь мир, – прошептал Лев, падая.

– Я всегда держу свое слово. Ты сделал это трижды своими тремя песнями. Чего же ты хочешь еще?

– Позволь мне пожить еще, пока я не увижу, что люди признают это, – умолял Лев. – Позволь мне увериться, что мои песни...

– Ободряют людей? – сказал Рак. – Хотя это и не мешает тому, что есть люди, которые все же боятся. Дева была храбрее тебя. Полно же...

Лев лежал подле самого безостановочно двигавшегося ненасытного рта Рака.

– Я забыл об этом, – просто сказал он. – Да, Дева была храбрее. Но я тоже бог, и я не боюсь тебя.

– Мне это безразлично, – сказал Рак.

Тут у Льва отнялся язык, и он лежал тихо, ожидая смерти.

Лев был последним из детей Зодиака. После его смерти появилось поколение малодушных людей, вечно хнычущих, колеблющихся и поющих от того, что созвездия убивают их и их близких, и желающих жить вечно без всяких огорчений. Этим они не могли продлить свою жизнь, но страшно увели-

чивали свои мучения, и не было детей Зодиака, чтобы подбодрить их; а большая часть песен Льва была забыта.

Но они сами вырезали на могильной плите Девы последний стих из песни о ней, и это-то и послужило основанием для нашего рассказа.

Один из детей человека, придя к ней спустя тысячелетия, очистил плиту от покрывавшего ее мха и прочел надпись, но воспользовался ею совершенно иначе, чем думал Лев. Люди поверили ему, что он сам сочинил эти стихи, но они принадлежат Льву, сыну Зодиака, и говорится в них о том, что, как бы ни сложились обстоятельства, мы, люди, не должны ничего бояться.